рая борьбу, их объединяет. Поскольку *ставка* для них — серьезность предметов самых существенных, какие только человек может затронуть. Это их они имеют в виду, все сообща. Но и расхождения их идут дальше, чем все ставки в материальных битвах, разворачивающихся в мире. И однако, самое высокое плато также находится в мире, оно чудо мира: люди там мыслью выходят за любые пределы, не падая при этом в пустоту.

Сегодня может сложиться впечатление, что там никого нет. И все же мне показалось — когда я, имея в виду вечные размышления, тщетно искал людей, которые бы их принимали со всей серьезностью, — что я нашел одного; кроме же него, никакого. Но этот единственный человек учтиво был мне врагом. Силы, которым мы служили, было не примирить. Вскоре стало ясно, что мы не могли бы говорить друг с другом. Радость сменилась горем, горем поразительно безутешным, словно была утрачена возможность, бывшая совсем рядом.

Так было для меня в случае с Хайдеггером. Поэтому критика, выпавшая на его долю,кажется мне совершенно непереносимой: она не на уровне тех высот. Я хотел бы выйти на путь критики, которая велась бы на самой территории духа, на путь борьбы, которая могла бы сломить некоммуникабельность взаимонепримиримых сил, путь солидарности, которая поддерживалась бы даже при обмене наиболее чуждыми мыслями, если речь действительно идет о философии.

Подобная критика, подобная борьба, очевидно, невозможна. И все же я хотел бы попытаться удержать хотя бы тень ее».

Я привела последний отрывок, поскольку в нем наряду со всем почитанием, положенным истинному философу Хайдеггеру, выражено то, что в этом же философе не перестает ускользать, изменять философии, соблазном и могуществом подменять истину. Это — не *подлинный философ.*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ В ПОНИМАНИИ СПИНОЗЫ. РАЗМЫШЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ДИСКУССИИ О ХАЙДЕГГЕРЕ

Вим Клевер

Вероятно, не будет излишним уделить немного нашего столь драгоценного времени размышлению о философском событии этого года — о возбуждении, вызванном обсуждением нацизма Хайдеггера. Поразительной была не столько новая информация, опубликованная Фариасом в его нашумевшей книге (почти все это уже было из-

© Вим Клевер, 1992
© П. П. Гайденко, перевод, 1993

вестно, хотя никогда не было представлено столь впечатляюще), сколько последовавшая всеобщая реакция на нее интеллигенции, реакция, свидетельствовавшая главным образом о моральном возмущении. Везде, и прежде всего там, где сильнее всего было философское воодушевление Хайдеггером, ломают себе голову над вопросом, как Хайдеггер мог до этого дойти, как оказалось возможным столь глубокое его падение. Совершенно естественно и само собой понятно, что такая проблема стоит и перед учениками Хайдеггера, которые начинают трепетать, заслышав знакомые выражения хайдеггеровского языка. Мало привлекательные стороны их идола ставят современных адептов Хайдеггера в такое же затруднение, как классического теолога — необходимость примирить благость творца с жалким состоянием сотворенного мира. Раньше казалось, что можно извинить первоначальное колебание, неопределенность поведения и уступчивость Хайдеггера по отношению к режиму, приняв во внимание его позднейшую позицию, явное сопротивление зрелого гения нацизму. К сожалению, это оказалось не так. Нацистское зло продолжало разрастаться и никогда не было отвергнуто Хайдеггером — ни как человеком, ни как философом.

Общественное возбуждение удивляет еще больше, когда слышишь ответы, которые обычно даются для пояснения отношения между философией и политической позицией Хайдеггера. Весьма высокоученые ораторы и профессора пытаются объяснить, что Хайдеггер стал «жертвой» нацистской идеологии. Этой достойное сожаления обстоятельство было якобы обусловлено плохими временами бедности и нищеты, унижением немцев со стороны союзников в период Веймарской республики, и все это оказалось питательной почвой для подъема национал-социализма; указывают также на пробелы в философии Хайдеггера, послужившие, так сказать, естественными причинами злополучной ситуации, в которую попал философ. Так, например, один из недостатков его видят в том, что он не принял во внимание (не сделал предметом рефлексии) существование зла в мире и поэтому оказался против него безоружным. Говорят также, что он не создал прилитической философии: создай он ее, и он был бы предохранен от опасностей политики. Придумывают и еще более ирреалистические оправдания. Собственно, все объясняют скорее за счет того, чего не хватало философии Хайдеггера, нежели за счет позитивного ее содержания. Сама его философия, его экзистенциальная феноменология и герменевтика существования сомнений не вызывают. Получается, что не только нет строгой связи между этой признанной и восхваляемой философией, с одной стороны, и хайдеггеровским «флиртом» с режимом — с другой, но что в философии Хайдеггера не содержится даже намека на эту связь. Можно, значит, спокойно переходить к повестке дня. Хайдеггер пал. Жаль. Но его философия все еще стоит во всем своем достоинстве и мощи.

Эти и подобного рода объяснения скрывают в себе немало недоразумений. Во-первых, предполагается, что мировоззрение или жизневоззрение человека достаточно сильно для того, чтобы определять его образ жизни. Предполагается, что философия может пре-

дохранить философов от ошибок. В противном случае как можно было бы упрекать Хайдеггера в несоответствии: считать его философию высшей истиной, но при этом осуждать его жизнь? Общепризнано, что образ жизни человека определяет его философию жизни, что существует причинное отношение между практикой и теорией, и это одинаково относится как к индивидууму, так и к коллективу. Обратное не только сомнительно, но просто неверно. Идеи не могут не влиять на жизнь; как отражение жизни, как понятия о жизни они производны от нее. Противоположность между мышлением с бытием, ни в каких случаях невозможная, в дискуссиях принимается как нечто не вызывающее сомнения. Ведь жизнь Хайдеггера сейчас осуждается, а его философия, несмотря на это, остается неприкосновенной. Это пахнет идеализмом худшего толка. Неужели в самой философии нет никаких элементов, которые содействуют этому или оправдывают такого рода нормативы поведения?

Много худший предрассудок — думать, что философия — какая бы она ни была — это вещь высокого достоинства и качества, даже если в ней не учитываются и не объясняются неприглядные и жалкие стороны человеческого существования. Каждый знает из своего личного опыта и из коллективной мудрости человечества, к которой он причастен, что он слаб и иногда поддается соблазнам, что он игрушка тщеславия, стяжательства и сладострастия, что он — вопреки своим религиозным и моральным принципам, — как правило, всегда приспособляется к обстоятельствам и ситуациям ради максимальной пользы и благополучия. Вряд ли можно сказать, что он действует свободно, правда, он так считает и тешит себя иллюзией своей свободы, но в то же время знает или научается понимать, что это самообман. Короче, приспособление к культурным и социальным остоятельствам и к законам природы есть просто факт человеческой жизни. Философия, анализирующая и описывающая человеческий способ существования, не стоит ни гроша, если в ней не признается и не рефлектируется практически универсальное приспособление, приспособление вынужденное, которое имеет место в жизни каждого человека. Кто хоть сколько-нибудь знаком с произведениями Хайдеггера, знает, что Хайдеггер не признает этого. При описании феномена «Man» заходит речь о приспособлении. Однако «Man» не есть подлинная экзистенция. Подлинное существование реализуется только в жизни элиты, к которой Хайдеггер причисляет самого себя. Человек элиты не приспособляется, он живет самостоятельно, по совести и сообразуется с высокими принципами. Стало быть, есть два сорта людей: масса, находящаяся ниже желаемого уровня, и элита, которая сознает себя как аристократию духа и чувствует себя призванной руководить другими!

Философия Хайдеггера не была философией приспособления, и здесь кроется подлинная причина ее ложности и негодности. Адекватная философия описывает и объясняет «человеческое, слишком человеческое» приспособление — судьбы. Она не упускает этого из виду (и не морализирует по этому поводу). Если все явления природы суть результат приспособления природных сил друг к другу, и человеческая жизнь не исключение из этого, то приспособление, ес-

тественно, есть главная тема наук о человеке. У Хайдеггера же отсутствует рефлексия относительно приспособления. Само собой разумеется, я говорю не о приспособлении к политическому режиму, но вообще о человеческом приспособлении, частным случаем которого является приспособление политическое. Однако именно политическое приспособление Хайдеггера составляет в данный момент предмет дискуссии. И об этом как раз идет речь: приспособление Хайдеггера и многих его современников к нацистскому режиму не отражено в научно-философских рассуждениях Хайдеггера, предподнесенных нам в столь красивой и украшенной форме немецкой речи. Это не дает основания для осуждения Хайдеггера как личности. Как мы можем это сделать, если мы сами неоднократно достойным порицания образом приспособляемся в политике или в других областях? Подобно нам, и человек Хайдеггер детерминирован бесконечно многими естественными причинами поступать и жить так, как он жил и поступал. Во время второй мировой войны в Голландии тоже многие люди приспосабливались к оккупационным властям. И — если обобщить это — при всех политических порядках, капиталистическом, так же как и коммунистическом, всегда есть много, очень много людей, которые приспосабливаются, правда, не все, по крайней мере до некоторой степени.

Поэтому фактическое приспособление Хайдеггера еще не может быть основанием для того, чтобы отвергнуть его философию. Единственным действительно очень важным основанием для отказа от этой философии является то, что она не дает себе никакого отчета о фактическом политическом приспособлении самого Хайдеггера и многих, многих других во все эпохи и во всех странах. Научная философия не может безнаказанно пренебрегать той фундаментальной судьбой, которую люди разделяют со всеми остальными природными существами, а именно что они закономерно бывают принуждены средой к приспособлению. Конечно, приспособление не всегда идет в одном и том же направлении; иногда это приспособление к другим силам в обществе, восстающим против господствующих авторитетов. Негодование и возмущение массы официальным правительством может быть столь большим и сильным, что оно конституирует противоположную силу, недовольство выливается в сопротивление или восстание. Это тоже экзистенциальное приспособление, хотя и в противоположном смысле.

К сожалению, Хайдеггер неодинок в своем философском пренебрежении к проблеме приспособления. Почти все философы в этом пункте очень близки к нему. Только один философ в этом отношении составляет исключение, отклонение от нормы. Этот одинокий философ — Спиноза. Не без основания Антонио Негри, происходящий из Италии и живущий ныне во Франции, назвал свою книгу о Спинозе «L'anomalia selvaggia» — «Дикая аномалия»[1]. Как никто другой, Спиноза последовательно видел в человеке «particula naturae» — частичку природы, на которую с неизбежностью распространяются законы всей природы. Поэтому не следует удивляться тому, что в этой физике человека физическое приспособление играет главную роль. Слово «приспособление» очень часто употребляется в «Этике»,

главном произведении Спинозы, а также в «Теологико-политическом трактате». В качестве протяжения и в качестве мышления модус человека в своем существовании и действиях детерминирован всеми другими модусами в универсуме. Психические, социально-политические реакции суть частный случай этого круговорота. Для примера я приведу характерный отрывок:

«Отсюда следует, что человек необходимо подвержен всегда пассивным состояниям, следует общему порядку природы, повинуется ему и приспособляется к нему, насколько того требует природа вещей» (*Спиноза Б.* Избр. произведения. М., 1957. Т. 1. С. 529).

Также и в политической плоскости люди не могут свободно выбирать и все определять сами. Также и здесь их поведение является «coacta» (вынужденным), вызываемым аффектами, надеждой и страхом. Как никто другой, политический философ Спиноза внимательно изучил и описал политическое поведение человека. «...Я постоянно старался не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться или / и не клясть их, а понимать. И потому я рассматривал человеческие аффекты, как-то: любовь, ненависть, гнев, зависть, честолюбие, сострадание и прочие движения души — не как пороки человеческой природы, а как свойства, присущие ей так же, как природе воздуха свойственно тепло, холод, непогода, гром и все прочее в том же роде; все это хотя и причиняет неудобства, однако же необходимо и имеет определенные причины. посредством которых мы пытаемся познать их природу...» (Там же. С. 288—289).

Само собой понятно, что здесь невозможно изложить и представить необычайно богатую (но радикальную) теорию приспособления Спинозы[2]. Я хочу еще только сказать, что Спиноза столь основательно продумал человеческое приспособительное поведение, что ему еще в 1677 г. удалось, исходя из этого понятия, предсказать массовое (massale) приспособление, которое имело место в третьем рейхе Гитлера и лишь частным случаем которого было приспособление Хайдеггера:

«...В момент величайшей опасности для государства, когда всех, как это обыкновенно бывает, охватывает какой-то панический страх, все, не думая ни о будущем, ни о законах, считают приемлемым только то, что внушает им страх; они обращают тогда свои взоры на человека, прославленного победами, освобождают его от действия законов, сами удлиняют (это самое худшее) срок его властвования и доверяют его совести все государство...» (Там же. С. 379).

Хотя Гитлер вначале еще не был прославленным победами, но он сумел убедить широкие массы в том, что он одержит победу над всеми темными силами и что это не останется одним обещанием. Массы поверили в это, и Хайдеггер поверил тоже. Как ученый он имел бы для нас некоторую ценность лишь в том случае, если бы он дал анализ и каузальной объяснение тому социально-политическому механизму, пример действия которого он явил своей собственной жизнью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эта книга вышла в Милане в издательстве Фельтринелли в 1981 г. Ее французский перевод появился в 1982 г. в «Presses Universitaires de France» под названием «L'anomalie sauvage. Puissance et pouvoir chez Spinoza» («Дикая аномалия. Сила и власть у Спинозы»). Имеется и немецкий перевод. В этом произведении, написанном в итальянской тюрьме, Спиноза интерпретируется как радикальный мыслитель, чьи идеи могут быть направлны против идей «троицы»: Гоббс—Гегель—Руссо.

[2] Читателям, интересующимся этим вопросом, я могу рекомендовать книгу: *Matheron A.* Individu et communaute chez Spinoza. Les Edition de Minuit. P., 1988.

Перевод *П. П. Гайденко*